

# ЧУВСТВО ГАРМОНИИ

Писатель Василий Белов хорошо известен читателю. Произведения, вошедшие в сборник «Воспитание по доктору Споку», выдвинутые на соискание Государственной премии СССР, тоже давно известны. Достаточно сказать, что повесть «Плотничьи рассказы», составляющая добрую половину сборника, опубликована была в «Новом мире» еще в 1968 году. Рассказы «Моя жизнь» и «Воспитание по доктору Споку» — тоже десятилетней давности. И вот что любопытно, многие критики говорят об этой книге как о злободневной, затрагивающей наиболее актуальные вопросы нашего времени. В чем тут загадка?

А загадки-то и нет никакой. Дело в том, что произведения истинного искусства всегда затрагивали глубинные пласты жизни, подстилающие, так сказать, поверхностный слой. И чем глубже пахнет художник, выражаясь языком сельского жителя, чем надежнее западают семена его истины, тем дружнее и гуще будут всходы его посева, несущие людям на долгие времена наглядные уроки разумного, доброго, вечного.

Перечитывая ныне эти давние повести Белова, я вспоминал, как наши писатели и журналисты в лице Белову и подобных ему «воспевателей крестьянства» часто «прорабатывают» колхозников, ругают за нерадивость, лень, пьянство, отсутствие дисциплины и пр. Есть эти грехи, что там говорить. Но вот два читателя — И. Чистяков и А. Чистяков, известные звеньевые из Калининской области, вполне резонно спросили: а во всем ли виноваты крестьяне? В своей замечательной статье «Долг перед полем», опубликованной в «Правде», на точных, убедительных примерах они доказали, что беспорядки, прогулы, равнодушие к общему полю, лень, пьянство были и у них в колхозе до тех пор, пока не ввели новую систему трудовых отношений, пока колхозники не почувствовали себя хозяевами не на словах, а на деле, пока общие поля не стали своими в полном смысле, то есть гарантией самостоятельности в деле, источником личной славы и заработка. Иными словами — пока не было покончено с обез-

личной земли и труда на ней, пока не убрали посредников между колхозником и землей. И вот чудо — те же «нерадивые» колхозники стали сами выходить в поле и работать там от зари и до зари (когда есть в том острая необходимость, разумеется), не считая часов; и поля преобразились, и урожайность выросла, и жизнь улучшилась. И представьте себе, никто их, то есть колхозников, не «советит», не тычет им в нос голую мораль. Сами они догадывались управиться. Чай не дети! В качестве такого разумного примера могу назвать не только отдельные хозяйства (в свое время я писал про них неоднократно), но и целые районы: например, Миллеровский Ростовской области или Абапский Грузинской ССР. Примеры эти достаточно известны и убедительны.

А припомнилась мне эта полемика, когда я натолкнулся в «Плотничьи рассказы» на яростный спор двух стариков Олеси Смолина и Авиинера Козонкова. Вот он:

«Авиинер Козонков решительно отодвинул стакан с чаем:

— Я тебе, Констанкин, так скажу, что колхоз упекли. Упекли из-за худой дисциплины. Народ совсем осатанел, напряжение у нервов ослабло. Приказов не слушают, только пекут белые пироги.

— Полно, Авиинер Павлович, отстань. Разве дело в этом? — Олеша поставил стакан вверх дном.

— Нет, не отстану! Я, бывало, повестки пошлю — так на собрание-то летят пулями, дисциплинка была, не в пример теперешней. Все бегали!

— Бегали. И не хошь да побейши. Кто сусеки-то до зернышка выгребал, не ты, что ли?»

Дальше больше разгорается этот спор, как пожарнице на ветру. Для Козонкова все вроде бы просто: кто не бежит по команде, пущенной сверху, тот — классовый враг. Дело ясно.

«— Нет, не ясное, — возражает Смолин. — У вас с Табаковым все было уж больно просто. Чего говорить. Сапожников и тех прижали, смолочуров. Мол, частная инициатива, свое дело.

— А что, разве не свое? — Дело. Конечно, свое дело. А чье оно быть должно? Без этого дела вон вся воля без сапогов осенью набегалась, когда Мишку-то прищучили, сапожника-то...»

Спор этот закончился яростной потасовкой; и злоба этих спорщиков, эта непримиримость и яростный напор, как тисками, сдавили сердце рассказчика, Константина Зорина, лично, несущее определенную окраску авторского сочувствия.

Нет, здесь не просто лесовская живописная стихия далекого прошлого, как позволю заметить один критик, а живая и жгучая современность наша. Спор идет не между двумя стариками, выжившими из ума, а — если угодно — столкнулись представители диаметрально противоположных направлений всей жизни нашей; один из тех, кто руками своими, горбом своим, совестью пытается утвердить необходимость самостоятельного и посильного участия в общем деле; другой же из того шустрого десятка досужих распорядителей, которые уверены в том, что кто громче кричит, больше суетится, командует — того и верх.

Да, это не просто характеры, это типы, сложившиеся еще в стародавние времена и проклятые крутым пламенем суровой эпохи нашей. Как был Авиинер продвухым захребетником, так и остался им до самой старости. Смолин ходит на ферму, дояркам помогает, но Авиинер же ни-ни, работать в конюшню наотрез отказался. «Потому что здоровья не позволяет. На базе нервной системы». Бригадир пытался поставить его «в беспорядочном порядке». Но Козонков и тут дал окорот — «не имеет права в беспорядочном порядке». Законы он знает. До сих пор не прочь изобразить он из себя хоть и призрачного, но вершителя людских судеб: целой вереницей шлет он во все концы свои доносы, которые — увы! — в конечном итоге срабатывают на посрамление самого же доносчика.

И, вспоминая таких вот горе-старателей вроде Козонкова или Табакова, с чисто крестьянской хитрецой допрашивает Олеша Зорина: «Так скажи мне, правильно ли это, ежели ограда-то выше коло-

кольни?» И боюсь, что слушатель может понять его отвратно, мол, затаил обиду и злость Смолин из-за несуразностей на всю эту жизнь, он вроде бы и упреждает такие выводы: «А я, друг мой Констанкин, еще скажу, что сроду так не делал, чтобы, осердясь на вошей, да шубу в печь. — Старик снова стал серьезным. — Бог с ними. Была вина да вся прощена».

И все же, все же... Нет мира и не может его быть между Козонковым и Смолиным, хотя они и примиряются для видимости. Зорин чувствует, что нет лада здесь, в деревне, и мучительно переживает это: «Голова разламывалась от боли, и хотелось плакать, но я тут же хохотал над этим желанием: «Я, только я виноват в этой драке. Это я захотел определенности в их отношениях, я вызвал из прошлого притихших духов. А потом сам же испугался и вздумал мирить стариков. Потому что ты эгоист и тебе больше всего нужна гармония, определенность, счастливый миропорядок...»

Это отсутствие «гармонии, счастливой миропорядка» постоянно будоражит душу Зорина. Этой гармонии не находит Зорин и в городской своей жизни, в своей прорабской работе и даже в семье своей. Жена его Тоня, нагловатившись на бегу в студенческих аудиториях, в общеклассовых библиотечных коридорах модных принципов эмансипации да «воспитания по доктору Споку», одержима идеей — тут же воплотить эти принципы своей «культурки», как сказал бы Козонков, в реальную действительность. И семейная жизнь из мира согласия, любви, взаимопомощи превращается в арену соперничества по части выявления руководящей роли каждого. Кто из нас главный? Кто правее? Кто передовее? Кто самостоятельнее? Вот вопросы, которые владеют всеми помыслами и действиями гордой эмансипированной Тониной натуры.

И пошли домашние представления... не жизнь, а сплошное действо, как говорится на театральном языке, с антрактами и разбирательством этого действа в профкоме, завкоме, домкоме и прочих людных местах.

Гармония жизни... Как создать ее? Где найти? Из каких принципов выстраивать? Вот вопросы, которые постоянно занимают Белова. Вот почему так жадно ищет он людей цельных, гармоничных и любовно воссоздает их в своих произведениях. Таковы Катерина Дрынова из повести «Привычное дело», Павел Пачин и дедко Никита Рогов из романа «Кануны». Недаром вокруг них централизуется и кипит сельская жизнь, воцаряются мир и согласие в сердцах самых горячих и неустойчивых натур. Павел Пачин — это опора из опор. Как на мельничном столпе держится вся несущая конструкция, так и на нем все дело роговской семьи, да и не только роговской. И не его вина, что волею судеб не суждено ему было стать долговременной опорой, в сельском мире.

Катерина Дрынова и Павел Пачин — характеры истинно русские, в полной мере сложившиеся в соответствии с народным понятием добра и справедливости, мира и согласия, красоты душевной и физической.

Иные критики порой утверждают, будто Белов противопоставляет деревенскую жизнь городской, он-де воспекает патриархальщину и что деревенских жителей он вообще идеализирует. В погоне за быстротекущим днем, суетясь про актуальность, прогресс, ИТР и прочее, мы не заметили, как стали стыдиться высоких слов и понятий: «девушки», «барышни» у нас превратились в «девочонок», «отцы» — в «предков».

А между тем идеализация — вещь отнюдь не малопочтенная. Это понятие несет в себе разумное начало утверждения определенных жизненных идеалов. Только не приукрашивания! Боже упаси нас от этого соблазна — желаемое выдавать за действительность. Но благо, когда писатель серьезный находит свои идеалы в реальной, а не выдуманной жизни. Утверждая их в литературных образах, в описании определенных обстоятельств, художник тем самым сеет разумное, доброе, вечное.

Идеализация идеализации рознь. Иной автор пытается

идеализировать и неудачливого старателя из команды Козонковых. А что ж? Чем они не герои? «Ведь, бывало, и на рыск жизни идешь, — говорит Козонков, — в части руководства ни с чем не считался. Спроси и сейчас, подтвердит любая душа населения, которая пожилая». И орден не заработал, и «пенсия» всего двенадцать рублей в месяц. Ведь обижен! Оттерты, мол, начисто. Как вышли из курных избенок, так и помирать пришли к невысоким порогам родных хижин. А вот вам! Орден не нажили — так знамена склоним к ногам вашим!..

Э, нет. Карьерист и захребетник, чьи бы высокими словами ни прикрывался он в прошлых неблагоприятных делах, не может быть героем. Для Белова сама идея — вывести для подражания такого вот «героя» совершенно недопустима. Его идеал — работник, творец нового мира, а не согладатель, идущий обочью. Да, Василий Белов относится к тем художникам, которым не чужд идеализм в высоком смысле. Его идеализм покоится на прочном основании вековых традиций русского крестьянства, где любовь к труду, к родной земле, к ближнему своему была спаяна высоким напряжением воли к совместной жизни и являлась главным средством в противостоянии со стихией, врагами и оскудением.

Герой Белова пытается внести в окружающий мир согласие, влиться в гармонию природы. И автор в поисках и ощущении этого лада и гармонии исписывает не одну страницу. В этом плане чрезвычайно интересны его последние очерки о вековом крестьянском укладе, о народной эстетике, опубликованные недавно в журнале «Наш современник». Очерки так и называются — «Лад». Вот что пишет об идее этих очерков сам Белов:

«Жажда человеческого познания неутолима, в этом главное свойство науки, ее величие и бессилие. Но для всех народов земли жажда прекрасного не менее традиционна. «Все было взаимосвязано, и ничто не могло жить отдельно или друг без друга, всему предназначалось свое место и время...

При этом единство и цельность вовсе не противоречили красоте и многообразию. Красоту нельзя было отделить от пользы, пользу от красоты. Мастер назывался художником, художник мастером. Иными словами, красота находилась в растворенном, а не в кристаллическом, как теперь, состоянии».

«Красота спасет мир» — эта загадочная фраза Достоевского долгие годы будоражит умы человечества: в чем ее тайный смысл?

Вовсе не задаваясь гордым намерением отгадать эту вековую загадку, я хочу сказать только об одном непереносимом условии творчества, которое заметно выделяет истинного художника из общего потока сочинительства. Это непереносимое условие Пушкин называл чувством гармонии.

Понятие гармонии в произведении искусства заключается в себе не только совершенство формы, красоту отделки, так сказать, но и постижение мыслью художника сущности отраженного мира. Прекрасное — суть единство идеи и образа, сказал Гегель. Отсюда же, из этого понятия общей гармонии, человеческая мысль еще в древности определила и главную модель прекрасного — нашу Вселенную — как организованное целое, назвав ее космосом. Космос, помимо всего прочего, понимался еще и как мир согласия и красоты в противоположность хаосу. Веками величайшие умы человечества были заняты стремлением проникнуть в потаенную сущность его, дабы понять закон согласия и приблизить к нему противоречивое и непостоянное устройство человеческого общества.

Художнику, мыслителю, как никому иному, дано это счастливое и мучительное ощущение не только красоты, но и нарушения гармонии, и он, создавая образы, облитые «горечью и злостью», трубит человечеству о надвигающейся опасности. Да, истинный художник всегда стоит на страже благоразумия и никогда не уклоняется от самых острых и крутых моментов бытия. Воссоздавая их реальную сущность, он придает общей картине яркость и глубину, благодаря чему эта отраженная жизнь становится более долговременным и действительным фактором, чем породившая ее реальность.

Борис МОЖАЕВ.